

Т. Б. СИДНЕВА,

*проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории
им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, доцент*

ЗВУКОВАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Современная отечественная культура среди многих других проблем переживает сегодня испытание звуковым потоком, который по насыщенности превосходит все предыдущие периоды истории и представляет собой сложнейшее соединение разного рода информации, обращенной к слуху человека: это различные образцы массовой поп-продукции, авторская песня, джаз, рок, музейный и современный фольклор, классическая и новая музыка академической традиции. В данной ситуации речь должна идти не только о характерной для времени «мозаике зеркал» (по определению Г. Орлова) стилей, жанров, техник, технологий звукоизвлечения в музыке. Среди изобилия современной звукослуховой информации лишь очень малую часть можно назвать музыкой в строгом значении слова, в традиционном понимании ее художественно-видовых качеств. Практически невозможно сегодня обозначить границы музыки и *не-музыки*, поскольку в звуковом измерении культуры глобальному переосмыслению подвергается само понимание музыки. Поэтому и представляется необходимой более широкая постановка вопроса.

Звуковую среду культуры не следует понимать как фон, внешнюю атмосферу, сово-

купность условий, определяющих слуховое восприятие. Акустическая информация проникает глубоко в сознание человека с самого начала его жизни и становится своего рода естественным языком выражения чувств, эмоциональных состояний, мыслей, отражает потребность его самовыражения, оказывает серьезное влияние на образ жизни в целом. Сила воздействия звуковой информации подтверждает исходную, ключевую значимость миметизма, лежащего в основе создания, исполнения и восприятия музыки. Всеобщая массовизация, бытование, охватившее современное искусство, не случайно базируется на музыке. Ее «подражательная» природа позволяет многократно усиливать воздействие визуальной и вербальной информации — механизм, который в сфере производства и потребления нещадно эксплуатируется. Иногда поражаешься терпимости музыки, особенно ее классических образцов: П. И. Чайковский обслуживает рекламу чая, чипсов, водки, И. С. Бах, А. Вивальди, В. А. Моцарт в массовой среде более известны как творцы телефонных сигналов. Почему так притягательна в потребительской сфере высокая классика? Красота и гармоничность созвучий,

радость узнавания классических мелодий дают возможность подняться над бытом, повседневностью, в этих условиях продукты питания, предметы бытовой техники поэтизируются, приобретают своего рода «гарантию качества». Музыка, моделируя структуру эмоции, усиливает суггестию воздействия самых невероятных рекламных акций. Миметическая природа музыки, увы, не только в обращении к высокой классике, которая, кстати, приобретая незапланированные ее создателями новые условия существования, хуже не становится. Гораздо типичнее случай противоположный. Он проявляется в подражании примитивному, рутинному языку песенных клипов поп-звезд, их голосам, манере пения и далее — стилю одежды, поведению, образу жизни.

Негативное состояние сегодняшней звуковой среды отмечается большинством исследователей, публицистов, музыкантов. «Чтобы понять глубину кризиса культуры, достаточно включить телевизор» — это характерное для нашего времени суждение имеет много оснований. Композитор В. Мартынов также констатирует необратимые процессы в современном искусстве: «Большинство теперешних музыкантов вполне искренне полагают, что то, что они создают, исполняют или слушают, есть старая добрая ормузыка, и что они по-прежнему пребывают в старом добром пространстве искусства, в то время как на самом деле они уже давным-давно имеют дело с *opus-post*-музыкой и находятся в пространстве производства и потребления, то есть имеют дело с симулякрами и находятся в пространстве тотальной симуляции».

Действительно, вовлеченность музыки в постмодернистскую «игру без правил», снижение высокого, разоблачение тайного — все это самые пессимистические прогнозы. И все же, порицая заповенность культуры обыденными элементами, осознавая болезненную проблемность сегодняшнего ее состояния, симуляцию нельзя считать всеобщей парадигмой современной музыки.

Современная российская звуковая среда вряд ли сегодня может быть оценена и «продиагностирована» адекватно и объективно. И все же очевидно, что в ней сосуществуют традиция и ее отрицание, конструктивные и деструктивные явления, процессы интеграции и дезинтеграции. Сфера академической музыки кажется сегодня глубоко запрятанной в звуковом потоке. Однако это иллюзия. Не сопровождаемая шумными PR-акциями (поста-

новка «Детей Розенталя» на сцене ГАБТ — одно из немногих исключений), не имеющая необходимого материального обеспечения, академическая музыка (вопреки всем сложностям) продолжает полноценно существовать в концертах, на фестивалях, на CD, MP3, DVD-аудионосителях. Хотя продуктом всеобщего употребления она вряд ли может стать, поскольку требует от слушателя подготовленности к восприятию и необходимости встречного «труда души». В этом отношении наше время не уникально.

Неизменная часть звуковой среды — музыкальное образование — также переживает непростые времена. Известно, что качество подготовки музыкантов подтверждается победами на многочисленных конкурсах, востребованностью выпускников российских вузов в мире. В то же время мы становимся свидетелями разрушения уникальной трехступенчатой российской системы: музыкальная школа — музучилище — вуз — как следствие неверной трактовки болонской декларации.

Массовая музыка при всей очевидности ее негативных, пугающих черт сегодня находится под влиянием перемен. Исчезает наивно доверчивый слушатель, возникают достаточно жесткие требования к профессионализму и — как следствие — рост востребованности таких специальностей, как звукорежиссура, эстрадное пение, электронная композиция, диджей и др.

Звуковое пространство в целом является наиболее подвижной сферой культуры, отражает состояние социокультурного процесса, служит индикатором его активности. Особенность ситуации в России заключается в том, что антиномии и разного рода полярности пронизывают буквально все уровни звуковой среды — от акустических продуктов потребительского мира до элитарных художественных экспериментов.

Размышляя о состоянии российской культуры, Д. С. Лихачев писал: «Русский народ — народ крайностей и быстрого и неожиданного перехода от одного к другому, а поэтому — народ непредсказуемой истории». И все же при опасности размывания границ добра и зла, щедрости и расточительства, национальной терпимости и самоуничтожения в российском менталитете всегда сохранялась способность, по словам И. Ильина, «таить в глубине неиссякаемые духовные силы», «незримо возрождаться в зримом умирании», что позволяет в далеко не идеальной современности видеть позитивные смыслы...